

Не растерялся

Пока мой друг готовил ужин, я нашёл недалеко от дома с десяток подосиновиков, но хотелось набрать побольше. Грибы заманивают... Я так увлёкся, что незаметно оказался в незнакомом лесу, а вечер был пасмурный, по солнцу я не мог определиться. Пошёл направо и упёрся в болото. Повернул налево и увидел незнакомое озеро. Спустился к реке, но реки не оказалось на месте...

Я заблудился! Быстро темнело. Спина озябла. Я был в лёгкой куртке и даже без хлеба. Мне стало страшно. Я вспомнил, как один турист отошёл от палатки, хотел набрать грибов, и четыре дня его искали с вертолёта. Нашли еле живого.

«Главное – не уйти ещё дальше от дома», – сказал я себе. Я заставил себя думать и вдруг – нашёл спасение! Вокруг меня на десятки километров нет ни души, не считая моего друга. По срезанным корням я утром выйду к дому, а пока я должен оставаться на месте. «Придётся провести ночь у костра», – подумал я, и сердце похолодело от нехорошего предчувствия. Я похлопал себя по карманам – пусто! Спички остались в моей телогрейке. Впереди очень долгая ночь без огня, без тепла.

Я ещё раз обшарил карманы и вскрикнул от радости. Пальцы нащупали на дне кармана одну-единственную спичку, мою последнюю надежду. Любой мальчишка знает, что спичку плавным движением можно зажечь о стекло, о гладкую стену, о лист бумаги, если он лежит на столе. В нагрудном кармане куртки я всегда ношу блокнот, и на этот раз он оказался в кармане, я положил его на гладкий ствол поваленной берёзы и вовремя вспомнил, что надо приготовить кору и сухие еловые ветки для костра. От волнения я мог забыть об этом, и спичка сгорела бы зря. Я чиркнул спичкой по раскрытому блокноту, но неуверенно, серная головка не зажглась, я повторил движение быстрее, сера зашипела и вспыхнула! Прикрывая ладонями драгоценное пламя, я зажёг бересту и подсунул её под еловые ветки, уговаривая огонь: «Не гасни, не гасни...»

Наконец костёр разгорелся, через несколько минут он уже ярко пылал, всё дальше отгоняя тьму! Я нарезал еловых веток, сделал удобное мягкое ложе возле костра, притащил две большие коряги, положил их в костёр и оставил между ними небольшой промежуток. Теперь, если я засну, костёр не погаснет и не выгорит, между корягами до утра останутся горячие угли, и я легко раздую пламя.

Костёр спас меня от холода, я задремал и проснулся от свиста рябчиков. Сквозь облака светило солнце. Ножом я вырезал на берёзе стрелку, показывающую, куда я пойду. И дальше свой путь я помечал стрелами. Это отнимало время, зато я знал, что если Юрий – мой друг – выйдет к месту, где я ночевал, мы уже не разминёмся. Присмотрев старую высокую берёзу, я залез на неё и увидел сквозь деревья зеркало воды, это

Продолжение на обороте

было озеро. Я обнаружил его совсем не там, где представлял. Вот как меня закружило в лесу. Я слез с берёзы и вскоре вышел к озеру. Залез на другую берёзу и увидел болото. Прошёл к болоту и радостно вскрикнул – на чёрной мокрой почве отпечатались мои вчерашние следы!

На склоне холма я заметил корни срезанных грибов. Солнце вышло из облака, и мокрый лес блестел, на ёлках и на можжевельнике сверкали миллионы голубых холодных капель. Трава была мокрой. Я вымок до пояса, двигаясь то влево, то вправо, корни срезанных подосиновиков почернели, их трудно было находить, но корни белых я замечал издали, не зря их зовут благородными. Отыскивая корни, я заодно срезал грибы, это придавало мне уверенности, я даже засмеялся от забавной мысли – корни срезанных грибов доставляли мне бóльшую радость, чем подосиновики и боровики, которые я находил.

Я снова шёл по склону незнакомого холма, но оказалось, что я его знаю, только с другой стороны. Сквозь деревья блеснула река, и я услышал шум далёкого порога. Всё! Теперь я знал, что выйду к дому, – вдоль реки. Я сделал несколько шагов и вдруг услышал крик:

– И – горы!

Я весело откликнулся. Навстречу мне с рюкзаком за плечами шёл мой друг. Глаза его были припухшие.

– Извини, я заблудился...

– Если бы ты знал...

Марухин не договорил. На всякий случай он приготовился к долгим поискам и положил в рюкзак верёвку, чайник, топор, еду, мой ватник... Пока я переодевался на берегу реки, мой друг молчал, как будто ничего особенного не случилось.

До чего же приятно, возвратившись домой, не торопясь съесть тарелку супа и выпить душистого чая с лесной малиной и брусникой. В доме тепло, уютно, пахнет сушеными грибами, из приёмника льётся любимая музыка, набитая сеном подушка и одеяло после кошмарной ночи... Нет, вы этого не оцените. Даже Юрий меня не сразу понял, когда я сказал:

– Мой суп вкуснее твоего!

– Почему?

– Мой хлеб вкуснее твоего! И чай вкуснее...

– А... – догадался мой друг и захохотал.

Игорь Шкляревский